

Армен Л. Петросян

История ангелов

18+

Армен Петросян
История ангелов

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Петросян А. Л.

История ангелов / А. Л. Петросян — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Господь - это беспредельная Мудрость и Справедливость, не имеющие ничего общего с людскими понятиями мудрости и справедливости. Именно поэтому его пути неисповедимы и принимаются нами, как предопределенность. Это произведение - попытка объяснить в художественной форме сущность его первых созданий - ангелов и их предназначение, а также неизбежность распятия Христа.

История ангелов

Рослый широкоплечий санитар внес миску с обедом и ломтем хлеба, посмотрел внимательно на мужчину с взъерошенными волосами, забившегося в угол кровати, поставил все на стол и повернулся, чтобы выйти. Улучив момент, сидящий на кровати пнул санитаря в зад, тот в ответ устало вздохнул, снова повернулся и нанес два удара своими огромными кулаками сначала в живот и, когда больной согнулся с всхлипом, затем в левый бок. Того со второго удара шлепнуло об стену. Санитар снова вздохнул, вышел и закрыл дверь на ключ.

Побитый отдышался быстро, чего нельзя было ожидать от такого тощего человека, начал протирать бок, затем улыбнулся и, как ни в чем не было, принялся за еду. Закончив, он достал из-под матраса тетрадь и записал: "Эксперимент завершился полным провалом из-за слабой памяти. Я забыл подумать о чем-либо, когда этот стал бить. Осталось не выясненным насколько человек способен думать, когда ему больно".

Закончив записывать, он спрятал тетрадь с ручкой под матрас, подошел к раскрытому окну, взялся за прутья, попытался всунуть между ними голову и кончиком носа поймать теплый солнечный свет.

Ему можно было дать лет пятьдесят, в больнице же он находился почти два года. Сначала его держали вместе со всеми, но уже полгода как перевели в одиночную палату, когда он попытался поджечь больницу. За эти полгода его ни разу не пустили даже в больничный сад.

Противостояние больного с санитаром, его он мысленно называл "Будкой", началось с того дня, когда тот привел его в эту палату, хотя прекрасно понимал, что тот выполняет лишь указания главврача. Ему не нравились в нем его пустые ничего не выражающие глаза. На лице его была отштампована тупость и безразличие, и весь его вид постоянно вызывал в нем раздражение.

"Будка" любил "работать" в основном локтями. Он наносил удары резко и короткими движениями и бил всегда по ребрам. Сперва больному подумалось, что тот тем самым считает их количество, но через некоторое время понял, что тому так просто удобней. Если его не провоцировать, можно жить спокойно. Как бы ни было, его три раза в день кормят, у него много свободного времени, можно думать сколько и о чем хочется. По утрам и вечерам ему делали инъекции. Что ему вкалывали и для чего, он не имел ни малейшего понятия, но всегда с удовольствием их принимал, так как прививки делала медсестра в самом расцвете сил. У нее была высокая и роскошная грудь и он не уставал любоваться ею. Она это поняла с первого же дня, всегда улыбалась и не пыталась их спрятать. Часы инъекций он называл временем удовольствий: взглядом скользил по ее пышному бюсту, принимал к нему и мысленно ласкал его. В эти минуты "Будка", всегда ее сопровождавший, ухмылялся не пряча.

Больной в гражданской жизни преподавал марксистскую философию и атеизм. Раньше у него были и дом, и дача, и машина. Он принимал активное участие в купле-продаже студенческих мест в институте. Его считали эксцентричным человеком и даже побаивались. Все шло хорошо и сытно до тех пор, пока не появились голоса. Они постепенно становились все более отчетливыми и беспокойными. Сначала он пытался прогнать их, не прислушиваться, но потом подумалось, что они предназначены только ему одному. Они нашептывали ему неординарные мысли и еще более неординарные поступки. Все закончилось тем, что в один прекрасный день, вернее ночь, он захотел сжечь их и поджечь квартиру, а заодно со своей и соседскую. Сосед вызвал пожарных и милицию и тем самым раскрыл свою истинную сущность. Когда его тащили из квартиры, он сопротивлялся, грозился вернуться и отомстить соседу, так как из-за него голоса сумели улизнуть из разбитого окна. Впрочем, хотя им и удалось спастись, они были основательно напуганы и стали менее навязчивыми. Они теперь не шептались мерзости и различные пакости, уверяли, что они его друзья и желают ему только добра. Чтобы их зафиксировать и чтобы у него были доказательства их существования, он выпросил у главврача ручку

и толстую тетрадь. Главврач сам принес их с условием, чтобы он время от времени разрешал ему прочитать его записи. Больному терять было нечего и он не противился, когда брали его дневник, так как его всегда возвращали.

Записи, действительно, очень помогли ему. Он вскоре понял, что когда письменно излагает переживания, появляющиеся мысли, голоса несколько заглушаются. Тогда он решил вести дневник и вскоре те стали постепенно отступать и тревожить его все реже и реже. Но они не исчезли. Больной прекрасно понимал, что те лишь притаились и чего-то выжидают.

Иногда, хотя и редко, к нему заходил главврач, и они разговаривали на различные темы. Сначала они носили характер вопросов-ответов, но с течением времени стали более содержательными и душевными для обоих.

Какую цель преследовал главврач, его не интересовало, тот интересовал его как собеседник и он не таился от него. Он полностью раскрывал ему свои мысли, пытался самостоятельно дать оценку своим поступкам. Они никогда не спорили, беседы их носили ровный и уравновешенный характер, он не отрицал, что ему необходима психиатрическая помощь и вскоре инъекции, к его большому сожалению, были заменены таблетками.

Теперь больной меньше находился в забытьи. Сложившиеся отношения существенно сказались и на еде. Она стала более качественной и вкусной. В знак признательности, он подробно описывал свои переживания, ощущения, так как быстро понял, что главврача интересуют прежде всего именно они. Он честно обещал ему, что не станет прятать и видения, если те появятся. Честно и подробно записал ощущения от полнолуния, так как они были особенные. Он чувствовал его приближение заранее, становился беспокойным, но с его наступлением успокаивался. Чувствовал странный приток сил, он как бы привораживал его, и он часами неотрывно вглядывался в этот светлый диск, а вскоре пришел к убеждению, что этот цикл повторяется хотя и четко в определенный промежуток времени, но он каждый раз по-особому новый. Видимых изменений с луной не происходило, но было что-то неуловимо новое в ее оттенках, сиянии, в ее то сливающихся, то отдаляющихся пятнах, которые также меняли свои очертания.

Во время очередного полнолуния он сорвался. Пятна на луне слились друг с другом тонкими линиями похожими на трещины, она стала матово-серой в обрамлении красновато-грязного цвета, и он, не выдержав напряжения, вдруг громко и протяжно завыл, как волк, чем переполошил всю больницу.

Успокоился только тогда, когда ему ввели какой-то препарат. Он задохнулся в бесчувствии и долго потом не приходил в себя.

В дневнике он потом записал: "Придет что-то новое, неожиданное, тяжелое в своей трагичности, нечто неожиданное и непонятное, чему я обречен стать свидетелем".

Старик оставлял впечатление белоснежности. У него была длинная, но ухоженная белая борода и такие же волосы. Одеваться он предпочитал в белый балахон. Его продолговатое лицо и большие серые глаза смотрели открыто, большой софокловский лоб свидетельствовал об уме.

О его учености ходили легенды, он пользовался непререкаемым авторитетом и люди ходили к нему за советом, чтобы рассудить спор или получить врачебную помощь. Старик внимательно выслушивал всех, пытался вникнуть в самую суть их проблем, старался до конца разобраться в мелочах, так как прекрасно сознавал, что главное и мелочи зависят только от субъективного подхода.

К нему ходили буквально все – важные сановники и рабы, судьи и преступники. Старик с полной серьезностью выслушивал даже детей, но самое примечательное в нем было то, что любой, кто приходил к нему, полностью раскрывал свое сердце и душу.

Люди уважительно называли его Горным Старцем, потому что он жил на горе. Когда он во время ветра спускался с него, его широкий балахон развевался и, казалось, что он не идет, а парит над землей. Это было неправдоподобно красиво и внушало благоговейный трепет.

Особой притягательной силой обладала его улыбка. Она заставляла проясняться любое хмурое лицо, завораживало своей радужностью, ласкала и ободряла.

Жил он очень скромно и в полном одиночестве среди своих рукописей, каждый пятый день у него собирались дети, и он учил их мудрости. Он всегда рассказывал их вперемешку, не считаясь с положением их родителей в обществе. “Мудрость едина для всех. Она должна светиться в людях, как солнце, и приносить им покой, как луна. Она рождается из знания и учит любви, доброте и справедливости, уничтожает страх и делает человека свободным, придает смысл жизни, учит терпению и дарит счастье,” – внушал он им.

Он сторонился общества, так как не любил излишней суеты и шума и без особой надобности не сходил со своей горы.

Горный Старец любил полнолуние и всегда с нетерпением ожидал его. Он устраивался на крыше своего дома и часами не сводил с него глаз. Старик чувствовал, что полная луна обладает магической силой, все вокруг неуловимо менялось. От нее веяло не прохладой, а, наоборот, исходило странное тепло, которое можно было ощутить лишь внутренне. Он чувствовал, что сам наполняется какой-то энергией, что луна притягивает его и будоражит его душу. Между ними рождалась необъяснимая связь. Что за связь, он пока не мог понять, но в одном был уверен – в полнолуние меняется не только окружающий мир, но и он сам.

Круглый экран мироздания то сиял, то переливался матовым отблеском в обрамлении светящегося обруча, пятна на нем то сливались, то расходились. Он был прикрыт таинственной пленкой, которую он скорее чувствовал, чем видел. На нем постоянно что-то происходило и он всегда выглядел по-новому, от него исходила своя почти неуловимая мелодия, несущая в себе новое знание, закрытое пока для всех. Это знание особое, его надо прочувствовать, впитаться им, и Горный Старец надолго закрывал глаза, пытаясь ее ощутить, внимательно прислушивался и в эти моменты походил на изваяние.

Происходило неуловимое слияние души и тела, земли и неба, звука и тишины, рождалось одно единое состояние, несущее в себе покой и мудрость.

Так уже было не один год. Старец не пропускал ни единого полнолуния, после которого он чувствовал себя очень легко, наполненный жизнью и энергией. В нем рождалось неизведанное и пока необъяснимое. Он жаждал его и ждал, ждал терпеливо, ощущая себя на пороге новых открытий, нового мира.

Голоса появились снова. Они шептали ему, чтобы он не боялся. Лучше смириться. То, что наступит – произойдет непременно, так как от него не зависит и лучше быть готовым к этому. Новое неизведанное – не обязательно означает страшное, скорее всего просто неожиданное. Оно интересно хотя бы тем, что несет в себе новые ощущения, новую информацию, и он должен быть даже рад этому, так как он избранный. Немного погодя голоса, пользуясь его пассивностью и нерешительностью, постепенно переселились в него. Они принесли с собой новые откровения: оказалось все, что его окружает, имеет имена. Дуб, который растет у больницы, называется Ромом, а кусты под ним – Каицей. Даже муха, влетевшая к нему, имела имя. Ее звали очень смешно – Маха.

Все это он записал в дневник. Большой чувствовал, что становится спокойным со дня на день, мысли текли размеренно и плавно, хотя появлялись неожиданно и полностью завладевали им. Голоса радовались его состоянию, постоянно поощряли к умственной работе, он

по-новому стал воспринимать мир и находил в этом много интересного и радость, становился более чутким и восприимчивым к звукам и запахам.

Вскоре он понял, что каждый день отличается от другого по своему аромату. Солнечный в отличие от пасмурного пахнет по особому, более приятно. Выяснилось кроме того, что звуки и запахи могут быть как холодными, так и теплыми.

После этого он совершенно неожиданно открыл, что в действиях людей много бессмысленного. Особенно это относилось к “Будке”. Его движения были машинальны и, чтобы скрыть это, он прикидывался равнодушным ко всему и оттого был молчалив. Сегодня он принес Библию, которую больной выпросил у главврача во время их последней встречи. Всю жизнь он отрицал то, о чем имел лишь слабое понятие и теперь ради интереса решил ее все-таки прочитать.

Голоса шептали ему, что не стоит зря беспокоиться и дело это никчемное, но больной сразу уловил в них лживость, так как во рту появилось неприятно-терпкий вкус. Когда санитар вышел, он открыл Библию и стал читать. Книга заинтересовала его, особенно ему понравились частые повторы и крайне простой стиль. С первых же страниц разыгралось воображение.

Мысленным взором он окинул Эдем, уловил запахи и звуки в нем. Очень понравилась ему Ева. У нее были мягкие длинные волосы, тонкий стан, миловидное личико, но в глазах ее сверкали бесовские искорки.

Адам же предстал пред ним полным мужланом и был похож на санитаря. А вот змея оказалась фигурой весьма колоритной и в воздухе сразу запахло ядом.

Ной вызвал в нем симпатию, проделки бога показались неубедительными и несколько бессмысленными, но фраза “обонял Господь приятное благоуханье,” – наполнила комнату теплым приятным ароматом.

С минуту больной сидел неподвижно, пока вдруг не закашлял. Он отложил книгу и стал шагать из угла в угол. Его мозг напряженно работал, одна мысль стремительно сменялась другой, и он не поспевал за ними. Больной затряс головой, чтобы остановить их поток. Голоса, беспрестанно звучащие в голове, мешали ему, не давали сосредоточиться. Он закрыл пальцами ноздри и рот. Через минуту кровь застучала в ушах, заглушила голоса. Когда поток мыслей оборвался, он вновь принялся дышать.

Теперь думалось спокойно, и больной в мыслях вернулся к моменту создания солнца и луны. Слово “светильники” показались ему немножко смешными, но довольно точными и решил дожидаться ночи, чтобы сверить это слово с луной. Солнце его не интересовало и ему было все равно, как его называют.

Из прочитанного он еще более укрепился в убеждении, что человек создание бестолковое, особенно – женщина. Вместо того, чтобы вкусить запретный плод мудрости, надо было прежде всего вкусить из дерева жизни и стать бессмертным, а потом – как доведется. Жаль его не было там, он бы знал, что делать, а змее этой он бы шею свернул. Неплохо было бы и Еву хорошенько отхлестать этой самой змеей.

Эта мысль показалась ему настолько удачной и комичной, что он захлебнулся смехом, хохотал так долго, что чуть не лопнул и без сил повалился на кровать.

В коридоре зазвучал быстрый топот с ног.

-Да благословят тебя боги, Горный Старец!

Старик поднял голову. Перед ним стоял стражник. Высокий, крепко сбитый, тот был в полном вооружении. На боку висел меч, в руках были копье и круглый щит с изображением змеи, на голове – заостренный шлем покрытый причудливым узором. Он явно был недоволен

крутым подъемом, из под шлема выбивались слипшиеся волосы, с лица стекал пот. Он тяжело опирался на копье, но старался выглядеть приветливо, хотя весь его вид выдавал обратное.

–Да будет их милость непреходяща, – ответил Горный Старец, откладывая рукопись.

–Верховный Жрец Самасы* просит прийти к нему. Ему нужна твоя мудрость, и он прислал за тобой колесницу. Она ждет тебя внизу.

–Сочту за честь поделиться ею, – ответил Старец, вставая с камня.

Оставив рукопись дома, он последовал за стражником. Пока спускались, тот не пророчил больше ни слова. Так же молча подвел его к богато разукрашенной колеснице и вскочил на своего коня. Возничий приветствовал его, приложив руку к сердцу, помог взобраться на колесницу и, не спеша, поехал.

На колеснице с двух сторон были золотые изображения Самаса и люди, встречавшиеся на их пути, падали лицом вниз. Пока доехали до храма, стало уже темнеть. Объехав его, колесница остановилась у дворца Верховного Жреца.

Старца сразу препроводили в главный зал, где его уже ожидал хозяин, который сидел за столом накрытый фруктами и вином.

Отпустив движением руки сопровождающего стражника, он пошел на встречу со словами:

–Да благословит тебя Самаса!

Горный Старец в знак уважения склонил голову и ответил:

–Да будет его милость непреходяща.

Верховный подвел его к столу, усадил на почетное место, налил вина и изучающе посмотрел на его лицо.

–Прошло много времени, когда имел счастье лицезреть тебя.

–Пять лун, – ответил Старец, также с интересом разглядывая его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.